

Только войдя в палатку, Хо Тайлин положил его на кровать и быстро разделся. Еще когда он был одет, Фан Шу чувствовал его нетерпение, но теперь, когда он предстал во всей красе, это было просто неприлично.

Фан Шу никогда не видел его так близко. Его тело было покрыто венами, как фиолетовыми червями, а его член, длиной в шесть дюймов, заставил Фан Шу побледнеть.

Фан Шу попытался успокоить его рукой, но Хо Тайлин отшвырнул ее, приподняв его подбородок:

— Сегодня руки не понадобятся...

В голове Фан Шу, как в калейдоскопе, мелькали изображения из альбома весенних картин «Янфэн». Он застыл, не смея пошевелиться. Хо Тайлин, видя его реакцию, улыбнулся:

— Ты о чем-то интересном подумал?

Лицо Фан Шу покраснело:

— Не надо... Это может убить...

— Я не дам тебе умереть...

Фан Шу вскочил, пытаясь убежать. Его голова была пуста, он был слишком напуган.

Хо Тайлин, превосходящий его и силой, и мастерством, быстро связал его. Он действительно разозлился:

— Ты веришь, что я сейчас убью твоего раба?!

Фан Шу сдался, обмякнув. Он стиснул зубы, понимая, что это был результат, которого он ожидал, но его беспокойство за Эрляна заставляло его нервничать.

После почти целой ночи безумия Фан Шу чувствовал, что в нем осталась лишь искра жизни, удерживающая его душу. Он даже не мог пошевелить пальцем, и, казалось, стоит ему закрыть глаза, как он встретится с владыкой смерти. Он молча смотрел на мерцающий свет свечи на столике, а человек позади него, уставший, уже заснул, но даже во сне продолжал притягивать его к себе.

Свет свечи постепенно становился размытым, и Фан Шу услышал шум...

Фан Шу был в кандалах, железные цепи на его руках и ногах звенели. Накануне несколько человек умерли от тяжести кандалов, которые весили почти сто цзиней, поэтому утром солдаты распределили вес среди остальных сотни пленников. На шее Фан Шу уже было

двадцать с лишним цзиней, а теперь добавили еще десять. Ему было трудно идти, но он старался не показывать свою слабость. Солдаты рядом хлестали кнутами, и любой, кто замедлялся, получал удар.

Отец Фан Шу, Фан Янь, сдал экзамен на степень «цзиньши» второго класса и стал чиновником в Академии Ханьлинь. Через три года, благодаря своим талантам, он был замечен Чжан Цзюйчжэном и назначен левым вице-министром Приказа императорских конюшен.

Месяц назад Фан Яня обвинили в краже десяти тысяч лянов серебра, предназначенного для покупки лошадей, и приговорили к немедленной казни. Все мужчины в семье были отправлены в армию, а женщины — в сопровождение, на монгольскую границу. К счастью, в семье Фан было не так много людей — всего около десяти человек, в основном старые слуги.

Хотя Фан Шу не был близок с отцом, он глубоко уважал его. Отец был честным и неподкупным чиновником. Некоторые чиновники работали ради денег, другие — ради славы, а его отец стремился к доброму имени. Иронично, что он умер в позоре.

В то время в доме появились новые слуги, и ртов, которые нужно было кормить, стало больше. Жалованья отца не хватало, чтобы прокормить всех, и его мать, Ню Юйхуань, была вынуждена работать еще больше. Даже став женой чиновника, она не могла отдыхать, занимаясь вышивкой и бегая по делам. Иногда Фан Шу злился на упрямство отца. Он видел, как люди приносили в дом серебро, драгоценности или картины, но отец всегда отказывался. Каждый раз, когда он видел это, ему становилось жалко мать, ведь эти вещи могли бы облегчить ее жизнь.

И вот теперь его обвинили в коррупции. Фан Шу знал, что причиной этого был Закон об оценке заслуг, который Чжан Цзюйчжэн ввел, когда был у власти. После его смерти многие чиновники начали его критиковать, а его семья была разорена. Все его доверенные лица, включая Фан Яня, пострадали.

Среди тех, кто подписал обвинение против Фан Яня, были Шэнь Игуань и Ван Сицзюэ.

Ню Юйхуань шла впереди, ее одежда была в лохмотьях, а ноги в кандалах были изранены. Фан Шу не мог смотреть на это. Поскольку заключенным запрещалось разговаривать, он мог только смотреть на затылок матери, которая всегда была такой чистой...

— Грязный ублюдок! Без яиц! Тридцать цзиней кандалов, а ты уже сдаешься!

Раздался звук кнута и глухой стон.

Фан Шу не выдержал и обернулся. После нескольких дней проливных дождей земля была грязной, и юноша, выглядевший моложе его, лежал в грязи, его спина была окровавлена.

— Вставай! Что вы смотрите? Двигайтесь!

Солдаты злобно кричали.

— Цзюэ... иди...

Мать торопила его.

Фан Шу повернулся и пошел дальше, но через несколько шагов снова услышал звук кнута.

Солдат А:

— Этот слабак! Не может встать!

Солдат Б:

— Этот евнух упрям! Не издает ни звука.

Солдат В:

— Этот парень слишком горд! Говорят, он обидел Драгоценную наложницу Чжэн! Сверху приказали отправить этого ни-то-ни-сё в военные бордели, но он может умереть раньше, чем дойдет туда!

Солдат А, услышав о Драгоценной наложнице, испугался, что может случайно убить этого хрупкого юноши, и закричал:

— Кто-нибудь готов взять его кандалы? Если нет... пусть умрет!

Никто не ответил. Все молча шли дальше.

Юноша только сказал:

— Убейте меня... Кто тут действительно без яиц?

— Эй! Ты!

Солдат А замахнулся кнутом, но его остановили.

— Не обращай на него внимания! Если никто не возьмет его кандалы, пусть умрет. Не наша вина!

Ню Юйхуань, услышав остановившиеся шаги, не успела остановить Фан Шу, как он сказал:

— Я возьму его кандалы!

Солдат А, увидев грязного Фан Шу, чье лицо было скрыто под волосами, сказал:

— Эй! Еще один юнец!

Солдат В откинул его волосы:

— Это сын того крупного коррупционера!

— Я ненавижу коррупционеров! Солдаты на границе голодают, а эти грязные ученые разворовывают все!

С этими словами он пнул Фан Шу, и тот упал на землю, но встал без эмоций, протянув шею для кандалов.

Ню Юйхуань хотела подойти, но солдат остановил ее, и она беспокоилась.

Ночью все заключенные были собраны вместе. Фан Шу, на которого сейчас было шестьдесят цзиней кандалов, чувствовал боль во всем теле. Ню Юйхуань, переживая за своего сына, при свете факелов осмотрела его шею. Фан Шу винил себя:

— Мама, ты не ругаешь меня?

— Как я могу тебя ругать? Ты такой же, как твой несчастный отец...

Голос Ню Юйхуань дрогнул.

— Мама...

Юноша дважды попытался подойти к ним:

— Благодетель?

Его голос был высоким, в отличие от грубого голоса Фан Шу.

Фан Шу поднял голову и увидел юношу, чье лицо было грязным, но глаза большими и яркими.

Ню Юйхуань, почувствовав симпатию к нему, быстро пригласила его сесть.

Сначала юноша был застенчивым, но после разговора стало известно, что его зовут Му Милян. Его мать, считая, что имя «Милян» звучит как «нос», что может навлечь беду, называла его Эрляном. Во дворце его звали Сяо Лян, и он почти забыл свое настоящее имя. Ему было пятнадцать лет, и он был маленьким надсмотрщиком в Серебряном приказе, одном из двадцати четырех приказов. Однажды он принес серебряные украшения Драгоценной наложнице Чжэн, и император, находившийся там, взглянул на него. Драгоценная наложница, увидев, что юноша красив, вспомнила, как император однажды призвал десяток евнухов, и разозлилась, обвинив Эрляна в том, что у украшения не хватает крыла. Так он был отправлен в армию.

Ню Юйхуань вздохнула:

— Когда начальники решают, что делать, простые люди — всего лишь насекомые, которых можно раздавить.

Эрлян винил себя:

— Благодетель... вы в порядке?

Фан Шу и Ню Юйхуань, измученные физически и морально, выглядели изможденными.

— Не называй меня благодетелем, зови меня по имени — Фан Шуцзюэ, сын левого вице-министра Приказа императорских конюшен. Это моя мама, зови ее тетей.

Эрлян покачал головой:

— Нет, это неправильно. Я низкого происхождения, я буду называть вас господином...

Фан Шу усмехнулся:

— Ты такой упрямый, но все еще делишь людей на классы? Если уж на то пошло, я тоже низкого происхождения.

Ню Юйхуань сказала:

— Ладно, это просто обращение. Пусть зовет, как хочет.

<http://bllate.org/book/15514/1378299>